



Научная статья
УДК 39(571.53)(=512.31)
EDN: UDXYMK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-4-36-46>

К вопросу о символике божества-прародителя булагатов Буха-нойона и семантике имени его супруги Будан-хатан

С.Б. Болхосоев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию символики божества-прародителя бурятского племени булагатов, известного в традиционной мифологии под именем Буха-нойон. В работе также проводится анализ семантики имени его супруги, Будан-хатан. Определено, что в прошлом данные почитаемые божества имели значительное распространение в бурятской культурной традиции. Помимо булагатов, их культ был принят и другими бурятскими племенами, такими как хоринцы и эхириты. Высокая популярность племенных предков булагатов обусловлена их значительным влиянием на процесс формирования бурятского этноса, а также богатым спектром религиозно-мифологических образов божеств и их функций. Установлено, что данное многообразие интерпретаций обусловлено традиционным мировоззрением булагатов, которое сформировалось на основе различных форм архаичных верований и шаманизма, отражающих хозяйственно-культурные и социально-экономические аспекты их жизни. При этом среди представленного ряда божеств-прародителей особенно выделяется образ Буха-нойона, получивший в традиции более глубокую проработку. Данное обстоятельство демонстрирует главенствующий статус божества в религиозно-мифологической парадигме. Соответственно, в контексте племенной традиции булагатов божество наделялось качеством центрального/ключевогодемиурга. Этим же обусловлен культ супруги Буха-нойона, чей образ в рамках фольклорного наследия отличался ограниченным спектром интерпретаций по сравнению с более многогранными характеристиками Буха-нойона. Тем не менее, оба божественных предка, выступая в качестве творцов мира богов и людей, наделены положительной символикой в рамках традиционной культуры. Они представляют добрые и светлые силы, тесно ассоциируемые с Саянскими горами, которым свойственно по естественным причинам затягиваться туманом и облаками. Доказывается, что образ супруги прародителя булагатов связан с атмосферными явлениями и имеет отражение в ее именовании.

Ключевые слова: буряты, булагаты, шаманизм, культ, прародитель, божество, племя, символ, центр мира, традиция

Для цитирования: Болхосоев С.Б. К вопросу о символике божества-прародителя булагатов Буха-нойона и семантике имени его супруги Будан-хатан // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 4. С. 36–46. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-36-46. EDN: UDXYMK.

Ethnology

Original article

On the question of the symbolism of the Deity-Progenitor of the Bulagats Bukha-Noyon and the semantics of the name of his wife Budan-Khatan

Stanislav B. Bolkhosoev

The East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the symbolism of the ancestral deity of the Buryat Bulagat tribe, known in traditional mythology as Bukha-Noyon. The paper also analyzes the semantics of his wife's name, Budan-Khatan. It is determined that in the past these revered deities were widespread in the Buryat cultural tradition. In addition to the Bulagats, their cult was adopted by other Buryat tribes, such as the Khori and the Ekhirites. The high popularity of the Bulagat tribal ancestors is due to their significant influence on the formation of the Buryat ethnic group, as well as a rich range of religious and mythological images of deities and their functions. It is established that this variety of interpretations is due to the traditional worldview of the Bulagats, which

was formed on the basis of various forms of archaic beliefs and shamanism, reflecting the economic, cultural and socio-economic aspects of their lives. At the same time, among the presented number of ancestral deities, the image of Bukha-Noyon stands out, which has received a deeper elaboration in the tradition. This circumstance demonstrates the dominant status of the deity in the religious and mythological paradigm. Accordingly, in the context of the Bulagat tribal tradition, the deity was endowed with the quality of a central demiurge. This is also the reason for the cult of Bukha-Noyon's wife, whose image within the framework of folklore heritage was distinguished by a limited range of interpretations compared to the more multifaceted characteristics of Bukha-Noyon. Nevertheless, both divine ancestors, acting as creators of the world of gods and humans, are endowed with positive symbols within the framework of traditional culture. They represent good and bright forces closely associated with the Sayan Mountains, which tend to be obscured by fog and clouds for natural reasons. It is proved that the image of the wife of the Bulagats progenitor is associated with atmospheric phenomena and is reflected in her naming.

Keywords: Buryats, Bulagats, shamanism, cult, ancestor, deity, tribe, symbol, center of the world, tradition

For citation: Bolkhosoev S.B. (2025) On the question of the symbolism of the Deity-Progenitor of the Bulagats Bukha-Noyon and the semantics of the name of his wife Budan-Khatan. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 4. P. 36-46. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-4-36-46. EDN: UDXYMK.

В шаманистской системе верований и культов бурят значительное место занимает почитание мифических прародителей, чьи образы представляют собой семантически насыщенные источники для анализа различных аспектов культуры и мировоззрения данного этноса. Соответственно, эта тематика находится в фокусе внимания исследователей, занимающихся изучением не только мифологической и культурной специфики бурятского народа, но и вопросов, связанных с его этногенезом и этнической историей.

В этом плане особый интерес вызывает религиозно-мифологический образ прародителя бурятского племени булагатов, известный в литературе как Буха-нойон. Данный акцент обусловлен его значительным распространением в культурной традиции, подкрепленным с немалым числом фольклорно-этнографических материалов, содержащих описание мифического основателя данного племени. К тому же последнему принадлежит важнейшая роль в формировании бурятского этноса, что, в частности, подчеркивается включением булагатского прародителя в генеалогические мифы других групп бурят (Павлов, 2009. С. 25).

Данный образ стал предметом специального исследования ряда ученых, в частности, И.О. Шаракшиновой (Шаракшинова, 1959), Е.В. Павлова (Павлова, 2000)¹, Н.Б. Дашиевой (Дашиева, 2014), М.Д. Зоимонова (Зоимов, 2014) и др. Среди научных трудов следует выделить диссертацию

Е.В. Павлова, представляющую собой одно из наиболее фундаментальных исследований, освещающего на анализе широкого круга источников и материалов истоки и семантику мифологических и фольклорных сюжетов и образов, связанных с культом упомянутого первопредка бурятской группы (Павлов, 2000. С. 15, 250)². Другие исследователи в большей степени акцентируют внимание на отдельных проблемных аспектах культа булагатских прародителей как в историко-культурном направлении, так и в ареальном.

Несмотря на достигнутые успехи и прогресс в исследовании данной темы, ряд вопросов продолжает оставаться предметом дискуссий. В частности, это касается анализа символических и семантических характеристик религиозно-мифологического концепта, рассматриваемого первопредка, а также интерпретации имени его супруги Будан-хатан. В связи с этим в настоящей статье предлагается еще раз рассмотреть данные аспекты с целью их дополнения и более глубокого понимания в рамках исследуемой проблематики.

Булагаты представляют собой одно из основных племенных подразделений бурятского этноса. Известные с XVII в., они расселены на территории бассейна верхнего и среднего течения р. Ангары, а также в некоторых прибрежных районах оз. Байкал, р. Селенги и ее притоков. Родовой состав племени представлен такими группами как алагуй, хурхут, далхай, хойхо, олзой, мурь, батлай, буин, готол, ашабагат, абаганат, хогой, онгой и т. д. Их единство, основанное на этнической и культурной идентично-

¹ Павлов Е.В. Семантика религиозно-мифологического образа Буха-нойона: К проблеме происхождения культа териоморфного предка булагатов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Е.В. Павлов. Улан-Удэ, 2000. 253 с.

² Там же.

сти, в недавнем прошлом дополнялось и верой в происхождение от общего божества-прародителя – Буха-нойона (в пер. «Быка-князя/господина»). В паре с богиней Будан-хатан, выступавшей его супругой, они неизменно упоминались в шаманских призываниях и гимнах, произносимых на религиозных обрядах и ритуалах булагатов:

<i>Буха ноён баабай, Будан хатан ийби, Һарайма ехэ эбэрээрээн, Үндэр тэнгэри һиилэһэн, Һанжама ехэ бойногооро- он Үргэн дэлхэй шударһан, Бааһан газартаа Бар тайга ургуулһан, Шээһэн газартаа Шэбэр тайга ургуулһан ...</i>	Отец – Буха нойон, Мать – Будан хатан, Своими большими рогами Высокое небо прорезавший, Вислым большим войло- ком, Родимую землю исшорка- вший, Там, где испражнялся, Густую тайгу вырастивший, Там, где мочился, Непроходимую тайгу выра- стивший (Балдаев, 2019. С. 53).
--	---

<i>Бурят хүни заябари Булагат хүни тухэ. Буха ноён баба Будан хатан иби, Улан торгон ума Хөхө торгон ху. ...</i>	Создатели бурятского народа, Происхождение булагатского народа. Отец Буха-нойон, Мать госпожа Будан. Красный шелк утроба. Синий шелк пупок (Хангалов, 2004b. С. 59).
---	---

<i>Буряйһии заяабари. Булгаһии түүхэ. Буха ноён баабайн Бойног доогуур шургуула- жа, Будан хатан ийбиин Уумай доогуур шургуула- жа, Голхуудай хатан ийбиин Голто бурхан заяабариһа- ан Захалжа дурдабаб. (Тушемилов, 1995. С. 6).</i>	Создатели бурят, Происхождение булагатов. Буха-нойона отца Под гривенкой склоняясь, Матери Будан-хатан Под утробой поклоняясь, С главной матери госпожи С главного бога-творца Начинаю призывать (Перевод наш).
---	--

<i>Бурят хуунэй гаргабали, Балагат хуунэй туухэ, Минган елдэ минаа ба- рюулһан, Түмэн елдэ туургэ</i>	Прародители бурят, Происхождение булагатов, Давшие тысячи лет владеть кнутом, Давшие многие века чтить
---	--

<i>бодхооһон. Буха ноён баабай Будан хатан ийби! Адуутай баян болгогты, Ашатай унэр болгогты!</i>	свои корни, Отец – Буха нойон, Мать – Будан хатан! Увеличьте наши табуны, Умножьте наши рода! (Перевод наш).
---	---

(Балдаев. Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. Л. 140)³

Следует отметить, что из данной четы божеств-прародителей булагатов, образ Буха-нойона полу-чил в традиции более глубокую проработку. На это указывает анализ фольклорно-этнографических ма-териалов, включающих мифологические легенды, предания, обрядовые тексты, религиозные культы и пр. В представленных источниках образ божества-прародителя описывается многогранно и в различ-ных интерпретациях. Помимо роли первопредка, занимавшего одно из наиболее значимых мест в шаманистском пантеоне булагатов, Буха-нойон представлен и в качестве сына Неба (Хангалов, 2004а. С. 247), перевоплотившегося в сивого быка-производителя (Балдаев, 2019. С. 41–43), или небес-ного железного сивого пороza (*тэнгэрийн түмэр хүхэ буха*) (Вселенная сибирского..., 2014. С. 198; Павлов, 2009. С. 29, 37), который символизировал одновременно и тотемного первопредка, олицетво-рявшего мощь и плодovitость. Примером тому вы-ступает легенда, в которой от лица Буха нойона про-износится следующая речь:

<i>Хүжэ ехэ нюргаараа Өндөр тэньерые зуража Гэгээ гаргалайб. Хөлөр ехэ туруугаараа Өргөн дэлхэй гэшхэжэ Харгуй гаргалайб. ... Буха Нойон баабай боллойб (Тушемилов, 1995. С. 24).</i>	Своей могучей спиной Я прорезал высокое небо И выпустил свет. Массивными копытами Наступая по широкой земле Я проложил пути. ... Отцом Буха нойоном стал. (Перевод наш).
---	--

Взаимосвязь териоморфного предка с небес-ным светом, с которым сопряжено его движение по земной поверхности, позволяет увидеть в нем све-тоносного божества, чьи действия направлены на демиургическую борьбу с миром тьмы. Это, кстати,

³ ЦВРК ИМБТ СО РАН / С.П. Балдаев. Материалы по фольк-лору и этнографии ольхонских бурят. Ф. 36. Оп. 1. Д. 124. 180 листов. 1962 г.

согласуется с легендой, согласно которой Буха-нойон спустился с небес на Тункинские гольцы Восточных Саян с целью защиты бурят от темных сил, представляющих собой восточных злых духов (Михайлов, 1996. С. 86–87). При этом нисходя на эти гольцы, известные в бурятской традиции как *Баруун харьдаг* (Хангалов, 2004а. С. 252), небесный бык выбирает себе место для пребывания на горе (Манжигеев, 1978. С. 33)⁴, называемой *Хухэйн мундарга* (Балдаев, 2019. С. 42; Жамцарано, 2011. С. 45).

Причем конкретным пристанищем тотемного предка булагатов является особый скальный выступ этой горы. Он издали похож на фигуру лежащего быка с широко расставленными рогами. По мифу, это окаменевшее тело Буха-нойона, у которого местные буряты издавна устраивали ежегодный общественный обряд жертвоприношения *тайлган* (Манжигеев, 1978. С. 33)⁵. Стоит сказать, что это скала/каменный бык (Хангалов, 2004а. С. 238) или Бычья гора (Дампилова, 2012. С. 95; Лыхин, 2009. С. 30) была не только объектом почитания для местного населения, но и местом религиозного паломничества для других групп булагатов. Об этом, например, сообщают в своих материалах бурятские ученые этнографы и фольклористы С.П. Балдаев (Балдаев, 2019. С. 51–52) и Н.О. Шаракшинова (Шаракшинова, 1959. С. 55).

Популярность Буха-нойона была также обусловлена широтой сакральных функций: он выступал в роли покровителя плодородия и благополучия. Например, процветание традиционного хозяйства бурят, связанное с успешным размножением и ростом скота, считалось следствием покровительства божества (ПМА)⁶, параллельно способствующего и росту растений, и плодородию почвы. Отражением чего, на наш взгляд, является выше представленный обрядовый текст, в котором описывается эта функция: «Там, где испражнялся (унавоживал) / Густую тайгу вырастивший / Там, где мочился (увлажнял) / Непроходимую тайгу вырастивший».

Не лишним будет отметить, что от мочеиспускания Буха-нойона также потекли реки (Потанин, 1883. С. 266), что в то же время отражает представления о предке – демиурге, создавшем современный рельеф местности (Мелетинский, 1994. С. 25–26⁷; Мелетинский, 1998. С. 337–338). В подтверждение этого можно привести легенду, в которой рассказывается о том, как сивый бык в схватке с соперником испортил ханский утуг (Шаракшинова, 1959. С. 51) («унавоженную, сенокосную огороженную землю») (Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 355)⁸, т. е. изменил земную поверхность.

Отсюда следует, что Буха-нойону как божеству, обеспечивающему «функционирование экосистемы» и «рельефообразование», отводилась роль хозяина земли. Это подтверждается эпитетом *Дайдын эжэн* (Балдаев, 2019. С. 48), который также выражает идею вездесущего божества, взаимодействующего, в частности, с водной стихией или ее духами. Булагаты верили, что божественный бык как причастный к деяниям громовержца Хухэдэй Мэргэна (Жамцарано, 2011. С. 45), коммуницирующего с хозяином и производителем дождя (Хангалов, 2004а. С. 246), защитит их от засухи, падежа домашнего скота и спасет от смерти (Балдаев, 2019. С. 51). Данный аспект мифологической традиции подтверждается ритуальными призываниями Буха-нойона, в которых подчеркивается его громоподобный рев, символизирующий его связь с громом и дождем (Дампилова, 2012. С. 135).

Вместе с тем Буха-нойон считался богом-воителем и духом-покровителем воинов, противостоящим злым силам (как мифологическим, так и реальным) и содействующим победе над ними. Например, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. тункинские буряты часто с мольбой обращались к Буха-нойону помочь воинам Советской Армии – фронтовикам одержать победу над гитлеровской армией. По рассказу отдельных людей, божество, облачась в боевое снаряжение, принимало активное участие на фронтах Отечественной войны. В итоге, Буха-нойон *дайгаа дараад, дархан солоёо мангаад харьдагта бусажа*

⁴ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.

⁵ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М. : Наука, 1978. 127 с.

⁶ Полевые материалы автора. Информатор: Л.Л. Онхоев, 1925 г.р., с. Олой Эхирит-Булагатского района Иркутской области.

⁷ Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 25–28.

⁸ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

ерэбэ – «одержав победу над врагами и прославив имя дархана, вернулся к себе на Саяны» (Шаракшинова, 1959. С. 54).

Следует отметить, что под термином *дархан* в бурятской традиции подразумевается не только избранность, привилегированный статус, неприкосновенность, но и кузнец, умелец, мастер (Шагдаров, Черемисов, 2010а. С. 261)⁹. Следовательно, с военной функцией божества-тотема коррелировала ипостась кузнеца (первоначально, вероятно, оружейника, обусловленного с данной ролью). Согласуется с этим содержание булагатского мифа, в котором Буха-нойон под именем богатыря Бохо-Муя, предстает в качестве культурного героя, первого кузнеца, изобретшего ковку железа и основавшего кузницу посредством захвата ее у противника. Причем, как создатель кузнечного дела, он обучает этому ремеслу людей и становится их главой и покровителем (Хангалов, 2004а. С. 238, 247; Шаракшинова, 1959. С. 50–51). Отсюда его в качестве патрона почитали кузнецы кудинских булагатов, относившихся, в частности, к категории так называемых белых дарханов (Хангалов, 2004а. С. 247; Михайлов, 1996. С. 57, 68). Такая маркировка кузнецов обусловлена происхождением духа-покровителя, принадлежавшего к стану западных тэнгриев, выступавших в шаманистской традиции булагатов светлыми и добрыми божествами.

Также небезынтересно отметить, что с кузнечной функцией Буха-нойона связана роль держателя небес, иначе говоря, хранителя устройства мира (миропорядка). Об этом, например, сообщается в устной традиции кудинских бурят: «Было время, когда небо при создании мира не могло никак прочно устоять в том положении, в каком его видим сейчас, а падало и накренивалось. В одном из призываний к божествам кузнечного искусства про одного из сыновей Дархан сагаан тэнгри (Белого кузнечного неба) Бухе Муйа – силача Муйа говорится»:

Унан байһан тенгрийи олан тулгаар тулгадлай,	Небо, которое падало, многими подпорками под- пер,
хэлтеен байһан тенгрийи хэлген тулгаар тулгад-	небо, которое кренилось, сотворенными подпорками

⁹ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010а. Т. 1: А–Н. 636 с. EDN: VVQMLN.

лай.	подпер (Михайлов, 1996. С. 57–58).
------	---------------------------------------

Такое представление подразумевает связь Буха-нойона с Мировой Осью, соединяющей небо и землю. В сущности, его териоморфный образ – мирового исполина («рогами небо прорезавший, гри-венкой землю бороздивший» – см. выше) является воплощением Оси мира. Кстати, соответствует этому легендарное превращение божества в гору (скалу в Тункинских горах), олицетворяющую другой универсальный архетип – Мировую гору. В этом смысле, несомненно, отражается главенствующий статус божества, находящегося в Центральной точке мироздания (*Axis mundi*) и связующего воедино три мира. С мифологической точки зрения, это делало Буха-нойона всемогущим божеством, способным устранить различные негативные явления в жизни людей и мире. Поэтому в рамках традиции териоморфный первопредок занимал важнейшее (можно сказать центральное/ключевое) место в комплексе религиозно-мифологических представлений и культов булагатов, приобретшего к тому же и черты общебурятского божества (Павлов, 2009. С. 39).

Таким образом, нами выявлен многофункциональный и сложный образ Буха-нойона, выступавшего в разных ипостасях (прародитель племени (творец народа), сын Неба, светоносный тотем, дух-хозяин горы (или Тункинских гор (Галданова, Герасимова и др., 1983. С. 128), божество плодородия и благополучия, бог сотер, бог защитник, дух-хозяин земли, бог воитель (победитель), дух-покровитель воинов, бог железа, бог кузнец, дух-покровитель кузнечного ремесла, держатель небес, Ось мира, хранитель миропорядка) и в том числе в качестве отца и предводителя многочисленного семейства духов-гениев, так называемых девяноста западных хатов (*барууни ерэн хад*). Последние, в соответствии с местопребыванием родителя, выступали хозяевами девяноста горных вершин Восточных Саян, Тункинских Альп и других мест Прибайкалья (Манжигеев, 1978. С. 49)¹⁰. Параллельно с этим считались божествами-защитниками бурят от вредоносных сил (Окладников, 1937. С. 279), покровителями белых шаманов (Вселенная сибирского..., 2014. С. 23, 35;

¹⁰ Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 127 с.

Михайлов, 1996. С. 86) и предводителей булагатских родов (Манжигеев, 1978. С. 49¹¹; Михайлов, 1996. С. 86), а также заведовали особой духовной школой шаманов (Вселенная сибирского..., 2014. С. 35) и осуществляли правосудие и законотворчество (Хангалов, 2004b. С. 94, 98; Манжигеев, 1978. С. 49).

В то же время нельзя не отметить, что в рамках традиционных представлений булагатов, западные хаты также ассоциировались с материальным благополучием и богатством. О них, например, говорили так: *хайрдли мунгэ баряшан, хададли эд баряшан* – «владеющие бесчисленным количеством денег (сравнимое с песком), обладающие безмерным имуществом (сопоставимое с горой)» (Гунгаров, 1990. С. 17). Соответственно, им приписывали покровительство в торговых и финансовых делах. Этим, например, обусловлены ритуалы жертвоприношений западным хатам, в частности, посвященные духам-хозяевам реки Иркут и г. Иркутска (Хангалов, 2004a. С. 249; Тушемилов, 1995. С. 26–27). Данные действия производились перед поездкой на городской базар для обеспечения успеха в торговых и финансовых операциях: ... *Андалдааениин арбан, Худалдааениин хорин болгоһон* ... (Тушемилов, 1995. С. 26–27) – «Десятикратно повышавшие эффективность торговли, двадцатикратно увеличивавшие результативность продаж».

Можно сказать, что западные хаты, наряду с териоморфным первопредком булагатов, помимо основной функции защиты жизни, также выполняли роль покровителей различных видов деятельности и служб, способствующих благополучию общества.

Что касается праматери булагатов Будан-хатан, то в контексте фольклорного наследия ее образ выступает преимущественно как символ созидającego начала, что свидетельствует о его ограниченной разработанности в сравнении с более многогранными характеристиками Буха-нойона. Имеющиеся фольклорные данные характеризуют Будан-хатан следующим образом: 1) дочь хана или верховного небожителя; 2) избранница и супруга Буха-нойона; 3) мать Булагата и девяти духов сыновей и дочери, произведших девяносто западных хатов; 4) прародительница и покровительница булагатов; 5) обитает с Буха-нойоном на горе Хан-элгэй (Балда-

ев, 2019. С. 42–43; Тушемилов, 1995. С. 23; Хангалов, 2004a. С. 238, 249, 252).

Примечательным здесь является ороним, который отличается от вышеприведенного названия горы, представленного в форме *Хүхэйн мундарга*. Последнее наименование в рамках бурятской языковой традиции означает «Саянский/Тункинский голец» (от *Хүхэй* «Саяны» (Балдаев, 2019. С. 322) и *мундарга* «голец, голая скалистая вершина», «отроги Саян» (Шагдаров, Черемисов, 2010a. С. 562)¹². Что касается второго названия священной горы булагатов – Хан-элгэй (Хангалов, 2004a. С. 252), то оно несет в себе более конкретную смысловую нагрузку, указывая на ее культовое значение. Сообщают об этом лексические части оронима, совпадающие с бурятскими словами *хан* «царственный, самый почитаемый, господствующий, старший (из божеств)» и *элгэ* «благословление» (Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 368, 393, 685)¹³. Их сочетание можно интерпретировать как «царственная/божественная гора, проявляющая милость и благоволение».

Данное наименование горы, по всей вероятности, вызвано традиционным воззрением бурят, связанным с благотворительной функцией ее духов-хозяев Буха-нойона и Будан-хатан: «По величеству ноздрей ваших, всю землю обнюхав, завладели ею, по обилию милости вашей сделались творцами всех людей, от вечной Удай-Тэнгэри притянув (или приняв) принесли сюда родительскую утробу (вернее – семя людское), от вечно голубого неба притянули вы пуповину людскую на землю. Кукушкина гора¹⁴ – седа-

¹² Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010a. Т. 1: А–Н. 636 с. EDN: VVQMLN.

¹³ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

¹⁴ Данное выражение, на наш взгляд, является некорректным переводом оронима *Хүхэйн мундарга*. Это обусловлено двусмысленностью лексемы *хүхэй*, которая в западно-бурятском диалекте, помимо наименования Саян, также используется для обозначения кукушки (лит. вариант *хухы* (Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV. С. 507). К этому следует добавить, что версия «Кукушкиной горы» не находит верификации с данными этнографии и фольклора бурят. Словом, отображение птицы в названии горы, учитывая ее культовую значимость, имело бы осмысление пернатого существа как предка (тотема). Однако данная коннотация отсут-

¹¹ Там же.

лице ваше, бурый камень монолит – изображение (двойник) ваше! ... Дальние люди слыхали, близкие люди видали, как даруете ваши милости и благоволения. В добрый день вспомнив, меткий день выбрав, как снежным бураном заполнившим нашу землю милостью и как обильным бурлящим источником воды, насытившим страну нашу благодарностью, Буха Ноен-Бабаю Будан Хатун-Иби белоснежною, молочную пищу делаю сасали (брызганье), ... Принося жертву вам, прошу и умоляю милости и благоволения ваши излить на просящих» (Окладников, 1937. С. 279).

С другой стороны, эти представления о духах-хозяевах горы как о благосклонных божествах были ассоциированы самой горой, о чем, собственно, свидетельствует, по нашему мнению, смысл названия Хан-элгэй. Кстати, подобное можно обнаружить в традициях других монгольских народов, которые давали название горам, похожее по семантике к Хан-элгэй. Например, *Хайрхан* («Милостивый»/«Священный») (Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 382)¹⁵. Причем, это название зачастую носили родовые (или племенные) горы (Эрдэнэболд, 2012. С. 34–35, 38), духи-покровители которых выполняли функции, схожие с ролью прародителей булагатов. Т. е. являли собой милостивых и благосклонных божеств, выступавших не только защитниками от бед, несчастий, но и дарителями потомства и благополучия.

В этом контексте, Хан-элгэй, безусловно, выступал главной культовой горой булагатского племени, олицетворявшей собой центр мира. Как известно, все маркеры центра обладают порождающей функцией (Батоева, Галданова и др., 2002. С. 30), которая относительно почитаемой горы булагатов дополнительно подчеркивается наличием символов мужского и женского начала. Их соединение, с точки зрения традиции, привело к акту творения и созданию мира. В частности, мира духов и людей, которые рассматриваются в качестве детей и потомков, находя-

щиеся под опекой своих творцов. И эта роль, отведенная к фигурам Буха-нойона и Будан-хатан, на наш взгляд, закодирована еще и в имени праматери булагатов.

Отметим, что в исследовательской литературе существует два взгляда на происхождение данного теонима. С позиции одного взгляда, выдвинутого Н.Б. Дашиевой, предлагается трактовать имя булагатской праматери как «Госпожа-просо». Ее точка зрения основывается на фонетической схожести первой части теонима с бурятским словом *будaa* «просо/рис/пшено», а также на интерпретации образа Будан-хатан через призму зерна (взяв за основу указания на темноту и закрытость места ее пребывания, посредством которых усматривается лежащее в земле зерно). Подкрепляется все это мотивом зачатия Будан-хатан от быка, осмысляемого как акт оживления быком растения. Параллели данному мотиву автор находит в календарной мифологии индоевропейских земледельческих народов, тем самым связывая с ними истоки и тип хозяйствования этнической группы, участвовавшей в этногенезе булагатов с материнской стороны и являвшейся носителем традиции почитания богини (Дашиева, 2014. С. 65–66).

Другие исследователи придерживаются иной позиции, согласно которой рассматриваемый теоним, с точки зрения морфологической структуры его первой части, близок к тюркскому слову *budun*, обозначающему «народ» или «тюркский народ» (Цыдендамбаев, 1972. С. 480–482, 484). А в соединении с *qatun* с общим тюрко-монгольским значением «госпожа, вельможная дама» (Шипова, 1976. С. 173¹⁶; Шагдаров, Черемисов, 2010b. С. 411¹⁷; Большой академический..., 2001. С. 61¹⁸), Будан-хатан означает «госпожа тюркского происхождения» (Цыдендамбаев, 1972. С. 480–482, 484). Этимология, предложенная ученым-лингвистом Ц.Б. Цыдендамбаевым, поддерживается другими исследователями, в частности, этнографами Т.М. Михайловым

ствует как в фольклорном наследии булагатов, так и в их шаманской традиции, сохранившей много элементов древних культов. Исходя из этого, мы полагаем, что наиболее подходящей семантикой оронима является первый вариант значения *хүхэй*.

¹⁵ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

¹⁶ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 444 с.

¹⁷ Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ : Респ. тип., 2010b. Т. 2: О–Я. 708 с. EDN: VVQMSV.

¹⁸ Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2002. Т. IV. Х–Я. XXI, 501, [5] с.

(Михайлов, 1980. С. 160), Е.В. Павловым (Павлов, 2009. С. 41) и археологом П.Б. Коноваловым (Коновалов, 1999. С. 87). По их общему мнению, эпитет стал употребляться в языке уйгурских предков булагатов во времена господства тюрков в Центральной Азии и Южной Сибири в I тыс. н. э. (Цыдендамбаев, 1972. С. 484; Павлов, 2009. С. 41, 43). Он же продолжал использоваться в дальнейшем, хотя в X–XII вв., в эпоху киданьской гегемонии, предки булагатов подверглись монголизации (Павлов, 2009. С. 45, 48).

Отчасти можно согласиться с данной позицией, но принять ее в полной мере не позволяет, на наш взгляд, ранняя монголизация булагатов, сыгравших, по мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, главную роль в обуячивании других племен Предбайкалья (Цыдендамбаев, 1972. С. 293). В этом случае оформление булагатского культа перовпредков и теонимов вполне могло проходить в рамках монгольской этнокультурной традиции. Убеждает нас в этом разбор имени Буха-нойона, образованного, скорее всего, из монгольских слов – буха «бык-производитель» и ноён «князь/господин» (Санжеев, Орловская, Швернина, 2015. С. 115¹⁹; Санжеев, Орловская, Швернина, 2016. С. 204–205²⁰). Хотя, первый термин является общеалтайской лексической основой (Севортян, 1978. С. 232)²¹, тем не менее, второй явно указывает на монгольские корни, поскольку это слово распространено, главным образом, в языках монгольских народов (Санжеев, Орловская, Швернина, 2016. С. 204–205)²².

Анализ имени Будан-хатан, на наш взгляд, также демонстрирует связь с монгольской лексической основой *будан* «туман»/«туман, из которого образуются облака» (Санжеев, Орловская, Швернина,

2015. С. 107²³; Бурдуков, 1911. С. 58). Следовательно, имя богини означает «Туманная/Облачная госпожа» и оно, видимо, обусловлено традицией монгольских народов отождествлять богов высокого статуса с облаками (небом). Например, согласно воззрениям дербетов, боги («хурмустьн-ханы») пребывают на облаках и представляют собой облачных божеств (Бурдуков, 1911. С. 58). А судя по тому, что Будан-хатан традиционного ассоциируется с концепцией высоты – горы, которой свойственно по естественным причинам затягиваться туманом и облаками, то можно сделать вывод о связи ее образа с атмосферными явлениями (и их, наверное, сопутствующими стихиями, такими как дождь, снег, гроза и др., что в совокупности может являться олицетворением Природы-матери).

Добавим, что связь тумана *будан* с горами ясно демонстрируется, например, в западно-монгольской песне:

Ондор ондор ууландаа Онгийн будан татна даа Осож торсон тургууд нутаг Оно л мандаа санагдана даа. Давхар давхар ууланд	На высокой, высокой горе Разный туман простирается, Разросшийся торгутский край. Всегда нам вспоминается.
Дангийн будан татна даа, Данай их торгууд нутаг Дандаа манд л санагдана даа.	На прилегающих друг к другу горах Рыхлый туман простирается, Великих торгутов кочевье Постоянно нам вспоминается (Гымпилова, 2012. С. 75).

Такая особенность простираения тумана и облаков, окутывающих горы, очевидно, также знакомой булагатам, видимо, послужила основой для возникновения имени богини Будан-хатан. И это же может указывать на то, что в данном теониме также заложено понятие «окутанная/закутанная». В пользу данной интерпретации, например, свидетельствует бурятская легенда, согласно которой Будан-хатан была обнаружена в тумане (Жамсоев, Бадмаева, Очирова, 2020. С. 22). Но вместе с тем теоним может трактоваться и как «окутывающая/закутывающая/

¹⁹ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Швернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2015. Т. I. А–Е. 2015. 224 с.

²⁰ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Швернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2016. Т. II. Г–Р. 2016. 232 с.

²¹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М. : Наука, 1978. 349 с.

²² Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Швернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2016. Т. II. Г–Р. 2016. 232 с.

²³ Санжеев Г.Д., Орловская М.Н., Швернина З.В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М. : ИВ РАН, 2015. Том I. А–Е. 2015. 224 с.

укрывающая», связанная с характеристикой богини-матери, проявляющей заботу о своих детях и внуках – хатах, пребывающих вместе с ней на Саянах, которых она стремится укутать своеобразным атмосферным одеялом (покровом) и таким образом защитить (от враждебных сил). На этой же основе, видимо, зародилось представление булагатов, согласно которому богиня-мать проявляет аналогичную заботу (покровительство) и к ним, поскольку они также являются ее потомками.

Поэтому в контексте традиции богиня Буданхатан занимала ключевое место в системе религиозно-мифологических воззрений и культов булагатов. При этом подобно тотемному первопредку Буха-нойону, она была широко известна в бурятской традиции. Например, ее почитали в традиции племени хори. Согласно легенде, данный культ обусловлен тем, что родоначальник племени Хоридой мэргэн считался зятем праматери Буданхатан (Цыдендамбаев, 1972. С. 79, 223, 225). Также имя богини в форме *Бутан* (Балдаев, 2019. С. 567–568) знакомо эхиритскому племени, которое, вероятно, выступало вторым наименованием верховной богини-покровительницы и чадородия, известной по записи Ц. Жамцарано как Хан Нугулай (Жамцарано, 2011. С. 229). В пользу этого свидетельствует наличие представленной формы имени лишь в обрядовом тексте отдельной ветки эхиритского рода бура, посвященного данному божеству (Балдаев, 2019. С. 567–568).

Распространенность булагатского теонима в традициях других бурятских групп была обусловлена, естественно, разными причинами. Это могли

быть исторические контакты, общие этнокультурные истоки и другие аспекты, включая и семантическое содержание теонима, которое символизировало высшие идеалы материнства, воплощенные через фундаментальные аспекты женского начала, связанные с рождением, воспитанием и заботой о потомстве.

Таким образом, предпринятое исследование символических и семантических аспектов, связанных с культовыми образами и именами булагатских прародителей, позволяет сделать вывод об их сложной и многогранной природе, восходящей своими корнями к древним традициям. Оно же дает основание полагать, что культ данных племенных предков сформировался в рамках бурятской (монгольской) этнокультурной традиции. Это согласуется с результатами анализа представленных теонимов и одновременно указывает на монгольскую основу исконных носителей этой культовой терминологии, которые сложились в отдельный бурятский социум в пределах Прибайкалья. О чем, например, свидетельствует наличие в ритуальных текстах, посвященных Буха-нойону и Буданхатан, соответствующей данному региону топонимики. Собственно, и образы божеств можно рассматривать как символы прародин и начала этнической истории булагатов, что подтверждается многими фольклорными источниками. Изучение этого культа, представляющего собой, безусловно, ценный объект для научного исследования, также позволяет глубже понять механизмы его функционирования в традиции, культурные архетипы и эволюцию религиозных представлений.

Список источников

- Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : НоваПринт, 2019. 718 с.
- Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды традиционной культуры бурят / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. Москва : Восточная литература, 2002. 222 с. EDN: TTOWBT.
- Бурдуков А.В. Предание о происхождении дэрбэтских князей кости Цорос // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества. 1911. Т. XIV. Вып. 1–2. С. 54–59.
- Вселенная сибирского шамана : история, легенды, обряды : репринтное издание работ Б.Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск : Репроцентр А1, 2014. 326 с.

References

- Baldaev S.P. (2019) Genealogies and legends of Buryats. Ulan-Ude: NovaPrint. 718 p. (In Russ.).
- Batoeva D.B., Galdanova G.R., Nikolaeva D.A., Skrynnikova T.D. (2002) Rituals of traditional Buryat culture. Moscow: East. lit. 222 p. (In Russ.). EDN: TTOWBT.
- Burdukov A.V. (1911) The legend of the origin of the Derbet princes bones of Tsoros. *Proceedings of the Troitsk-Kavsko-Kyakhinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Vol. XIV. Iss. 1-2. P. 54–59. (In Russ.).
- Petri B.E. (2014) The universe of the Siberian shaman. History. Legends. Rituals. Reprint edition of works on ethnography from the collection of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore. Irkutsk. 328 p. (In Russ.).

- Галданова Г.Р., Герасимова К.М., Дашиев Д.Б., Митупов Г.Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы Новосибирск : Наука, 1983. 235 с. EDN: WZAOZX.
- Гунгаров В.Ш. Буряад арадай туухэ домогууд (Легенды и предания бурят). Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1990. 175, [1] с.
- Гымпилова С.Д. О фольклоре торгутов Монголии // Культурное наследие народов Центральной Азии. Вып. 3. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 72–82. EDN: TRAFVR.
- Дампилова Л.С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика / 2-е изд. испр. и доп. М. : Восточная литература, 2012. 262, [1] с. EDN: QPXZDH.
- Дашиева Н.Б. Образ Буха-нойона в кузнечных мифах бурят // Живая природа – живая кочевая культура : Международная науч.-практ. конф. : Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014 г. / науч. ред. Р.И. Пшеничникова. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. С. 60–69.
- Жамсоев А.Д., Бадмаева Л.Б., Очинова Г.Н. Ацагатский очерк о хори-бурятах. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. 229, [4] с.
- Жамцарано Ц. Путевые заметки. 1903–1907 гг. / сост. Ц.П. Ванчикова, В.Ц. Лыскова, И.В. Кульганек. Улан-Удэ : Респ. тип., 2011. 264 с.
- Зомонов М.Д. Культ Буха-нойона как феномен традиционной культуры бурят // Живая природа – живая кочевая культура : Международная науч.-практ. конф. : Республика Бурятия, Тункинский район, 14 июня 2014 г. / науч. ред. Р.И. Пшеничникова. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2014. С. 76–79.
- Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с. EDN: VIQSID.
- Лыхин П.Ю. Белый камень // Тальцы. 2009. № 2 (33). С. 29–46.
- Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М. : РГГУ, 1998. 575 с. EDN: YORZMW.
- Михайлов В.А. Религиозная мифология. Улан-Удэ : Соел, 1996. 110, [1] с.
- Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с. EDN: URWAMD.
- Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л. : ОГИЗ, 1937. 427 с. EDN: BOMEHF.
- Павлов Е.В. К проблеме генезиса западно-бурятского племени-этноса булагат и этимология племенного этнонима булгад // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Сб. науч. тр. Элиста: КИГИ РАН, 2009. Вып. 1. С. 24–51. EDN: PWNJUP.
- Galdanova G.R., Gerasimova K.M., Dashiev D.B. (1983) Lamaism in Buryatia in the XVIII – beginning XX centuries. The structure and social role of the cult system. Novosibirsk: Nauka. 235 p. (In Russ.). EDN: WZAOZX.
- Gungarov V.Sh. (1990) Legends and story of Buryat. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 175, [1] p. (In Buryat; In Russ.).
- Gympilova S.D. (2012) On the folklore of Mongolian Torguts. *Cultural Heritage of the Peoples of Central Asia*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. Iss. 3. P. 78–82. (In Russ.). EDN: TRAFVR.
- Dampilova L.S. (2012) Shamanic chants of the Buryats: symbolism and poetics. Moscow: East. lit. 262, [1] p. (In Russ.). EDN: QPXZDH.
- Dashieva N.B. (2014) The Bukha-noyon image in the forging myths of Buryats. *Wildlife - live nomadic culture: International Scientific and Practical Conference : Republic of Buryatia, Tunkinsky district, June 14, 2014*. Ulan-Ude: Publ. and printing complex of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts. P. 60–69. (In Russ.).
- Zhamsoev A.D., Badmaeva L.B., Ochirova G.N. (2020) The Atsagatsky essay on the Khor-Buryats. Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 229, [4] p. (In Russ.).
- Zhamcarano C. (2011) Travel notes. 1903-1907. Ulan-Ude: Republican Printing House. 264 p. (In Russ.).
- Zomonov M.D. (2014) Bukha-noyon cult as a phenomenon of traditional Buryat culture. *Wildlife - live nomadic culture : International Scientific and Practical Conference : Republic of Buryatia, Tunkinsky District, June 14, 2014*. Ulan-Ude: Publ. and Printing Center of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts. P. 76–79. (In Russ.).
- Konovalov P.B. (1999) Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages). Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 214 p. (In Russ.). EDN: VIQSID.
- Lyhin P.Yu. (2009) The White Stone. *Talci*. No. 2 (33). P. 29–46. (In Russ.).
- Meletinskii E.M. (1998) Selected articles. Memories. Moscow: Russian State University for the Humanities. 575 p. (In Russ.). EDN: YORZMW.
- Mikhailov V.A. (1996) Religious mythology. Ulan-Ude: Soel. 110, [1] p. (In Russ.).
- Mikhailov T.M. (1980) From the history of Buryat Shamanism (from ancient times to the XVIII century). Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.). EDN: URWAMD.
- Okladnikov A.P. (1937) Etudes sur l'histoire des bouriat-mongols occidentaux (XVII-XVIII siècles). Leningrad: OGIZ. 427 p. (In Russ.). EDN: BOMEHF.
- Pavlov E.V. (2009) On the problem of the genesis of the Western Buryat tribe-ethnics Bulagat and the etymology of the tribal ethnonym Bulgad. *Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples*. Elista: Publ. Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. Iss. 1. P. 24–51. (In Russ.). EDN: PWNJUP.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-западной Монголии : Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оного Г.Н. Потаниным. Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4. Материалы этнографические. [18], 1026 с.

Тушемилов П.М. Шаманские материалы (1948 г.). Улан-Удэ : Наран, 1995. 43 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004а. Т. 1. 507 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Улан-Удэ : Респ. тип., 2004b. Т. 2. 311 с.

Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные : Ист.-лингвист. исследование. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.

Шаракшинова Н.О. Бурятский фольклор. Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1959. 228 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2012. 196 с. EDN: RUFOSX.

Информация об авторе

Болхосоев Станислав Борисович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии и народной художественной культуры,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1, Россия,
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1925-804X>

Вклад автора

Болхосоев С.Б. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10 октября 2025 г.; одобрена после рецензирования 10 ноября 2025 г.; принята к публикации 17 ноября 2025 г.

Potanin G.N. (1883) Essays on North-western Mongolia. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma. Iss. 4. Materialy etnograficheskie. [18]. 1026 p. (In Russ.).

Tushemilov P.M. (1995) Shamanic materials (1948). Ulan-Ude: Naran. 43 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. (2004a) Collected works. Ulan-Ude: Republican Printing House. Vol. 1. 507 p. (In Russ.).

Khangalov M.N. (2004b) Collected works. Ulan-Ude: Republican Printing House. Vol. 2. 311 p. (In Russ.).

Tsydendambaev Ts.B. (1972) Buryat Historical Chronicles and Pedigrees. Ulan-Ude: Buryat. book. Publ. 662 p. (In Russ.).

Sharakshinova N.O. (1959) Buryat folklore. Irkutsk: Irkutsk Publishing House. 228 p. (In Russ.).

Erdehnebold L. (2012) Traditional beliefs of Oirat-Mongols (late XIX - early XX century.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Centre of Siberian Department of Russian Academy of Sciences. 196 p. (In Russ.). EDN: RUFOSX.

Information about the author

Stanislav B. Bolkhosoev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Ethnology and folk art culture,
East-Siberian State Institute of Culture,
1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russia,
e-mail: stanislav_bolhos@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1925-804X>

Contribution of the author

Bolkhosoev S.B. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 10, 2025; approved after reviewing November 10, 2025; accepted for publication November 17, 2025.